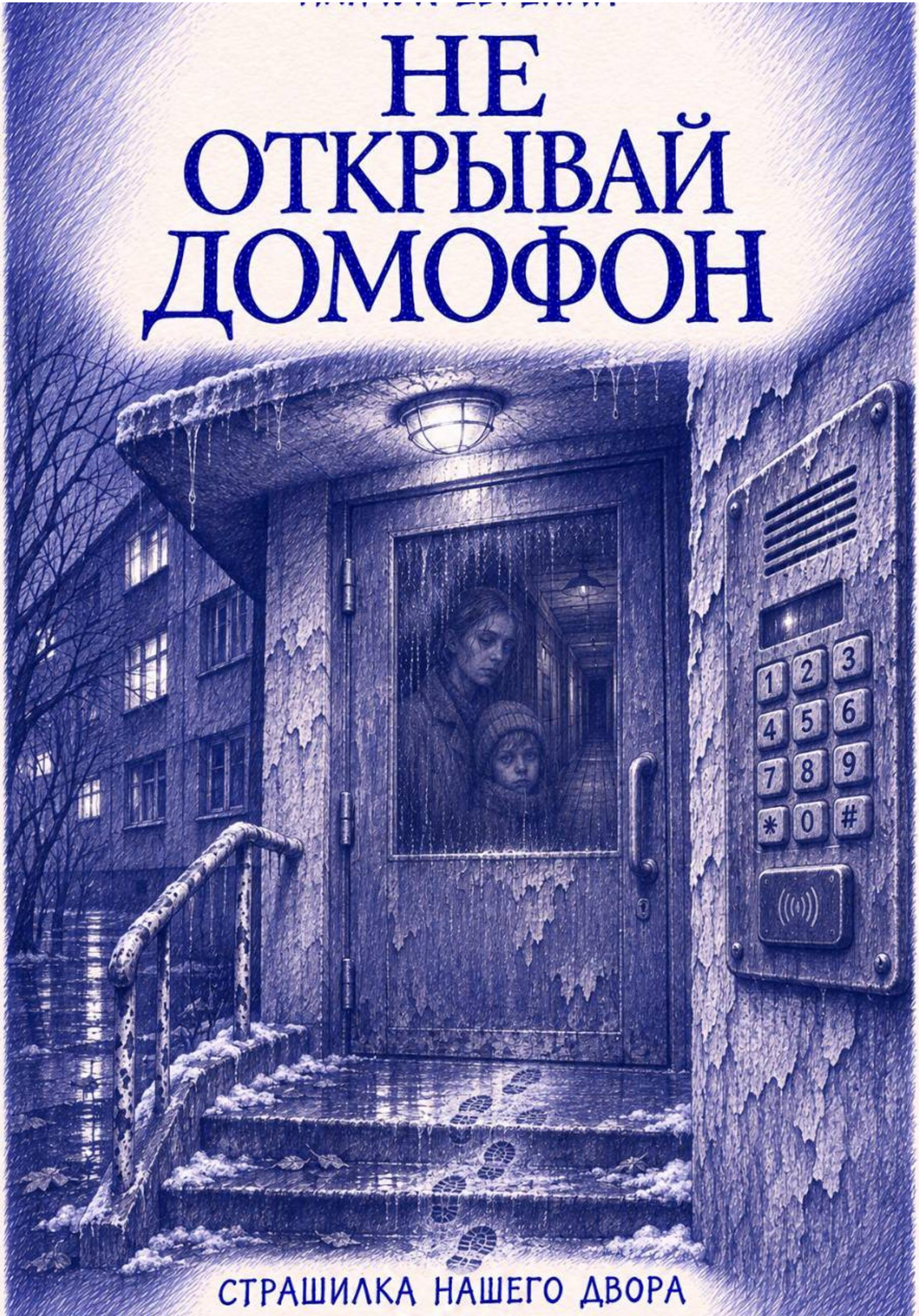
НЕ ОТКРЫВАЙ ДОМОФОН

СТРАШИЛКА НАШЕГО ДВОРА

Евгений Пинчук

Не открывай домофон

«Автор»
2026

Пинчук Е. В.

Не открывай домофон / Е. В. Пинчук — «Автор», 2026

Ноябрь 2007 года. Ночью в домофон шестнадцатилетнего Егора звонит женщина с ребёнком. Они просят открыть калитку и пропустить их через двор к дороге. Называют адрес: дом шестнадцать, квартира восемь. На месте этого дома давно пустырь. Женщина знает фамилию Егора и зовёт его отца по имени. Услышав о звонке, отец спрашивает только одно: открывал ли он дверь.Наутро Егор замечает на железной створке свежие царапины. Они оставлены изнутри, на высоте взрослой руки и чуть выше пола. Соседская бабушка узнаёт имя звонившей. Вера жила в снесённом доме и погибла вместе с сыном во время пожара одиннадцать лет назад. Бабушка помнит, как мальчик просил выпустить его на воздух.Следующим вечером голос в трубке становится другим. Егор нажимает кнопку, приняв женщину за мамину знакомую. В подъезде появляется мокрая дорожка, уходящая под стену. Утром дверь исчезает. На полу остаётся детская игрушка из обгоревшего спичечного коробка.

© Пинчук Е. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Евгений Пинчук
Не открывай домофон

Пинчук Евгений
Страшилка нашего двора
Книга 7
Не открывай домофон
Роман
2007 год

Глава 1

Звонок из шестнадцатого

Домофон зазвонил, когда Егор стоял на табурете и выковыривал из кухонной лампы дохлых мошек. Плафон лежал на столе между хлебницей и Сониной тетрадью. Сестра придерживала его обеими руками, хотя он никуда не катился. За окном шёл мелкий снег, почти дождь, и сквозь мокрое стекло двор казался пустым: тёмная детская горка, один фонарь над мусорными баками, красный огонёк сигнализации в отцовской машине. На часах микроволновки было 23:17. Домофон тянул свою нудную трель, обрывался и тут же начинал заново.

- Сонь, не трогай, - сказал Егор. - Я сейчас слезу.

Она уже встала, зажав плафон животом о край стола. Мама оставила детей одних до половины двенадцатого: на почте разбирали привезённые поздно мешки с каталогами. Отец уехал на аварию ещё после ужина. Иногда ему звонили по три раза за ночь, и тогда утром он спал в рабочих брюках поверх покрывала. Егор привык открывать родителям с трубки, потому что отец вечно забывал ключ, а мама возвращалась с сумками и не могла попасть маленькой металлической таблеткой в гнездо. Но сейчас у матери должен был быть свой ключ, а отец обещал сначала позвонить на мобильный.

В коридоре пахло подгоревшей пылью от лампы. На вешалке сушилась Сонина куртка, из правого рукава свисала нитка распущенной варежки. Егор поднял трубку и сразу услышал удары: словно человек внизу колотил ладонью по железу рядом с микрофоном. Два быстрых, один длинный. Потом женщина сказала очень близко, с трудом набирая воздух:

- Пустите через двор. Нам к дороге надо. Здесь уже не пройти.

Егор прижал трубку плотнее. Из неё тянуло низким треском; примерно так шипел телевизор на кухне, когда отец выдёргивал антенну, чтобы протереть подоконник. Голос был взрослый, усталый, совершенно обычный. На заднем плане кто-то кашлянул, и женщина отвела лицо от микрофона, сказав: «Рот закрой. Шарф держи». Последние слова Егор различил хуже, но почему-то представил мальчика в толстой вязаной шапке, которому мать поправляет шарф у самого носа.

- Вы к кому? - спросил он. - Какой двор?

- Через ваш. Калитку откройте, там цепь. Мы из шестнадцатого, квартира восемь. До рассвета пустите, ради бога.

Соня подошла и встала у его локтя. Плафон она оставила на кухне, зато держала в руках тряпку, которой собиралась его мыть. Егор прикрыл микрофон ладонью и велел ей идти дописывать упражнение. Она не пошла. В квартире напротив тявкнул пёс, и снизу по лестнице отозвалась такая же собака, только крупнее. За входной дверью никто не ходил.

- У нас восемнадцатый дом, - сказал Егор. - Вы номер перепутали. Калитка со двора заварена.

- Знаю я, какой у вас дом. Откройте, мальчик. Тут ребёнок.

Последнее она произнесла почти спокойно. От этого Егору сделалось неприятнее, чем от стука. Обычно в домофон ругались: курьеры, пьяные друзья соседа с восьмого этажа, люди, разносившие рекламу пластиковых окон. Те, кто ошибся подъездом, спрашивали улицу. Женщина говорила так, будто видела его, стоящего босиком возле обувного коврика, и заранее знала, что он ещё школьник. Он посмотрел на маленькую решётку динамика, на кнопку с нарисованным ключом, потёртую до серой пластмассы. Над ней мама приклеила полоску бумаги: «Не открывать чужим». Соня год назад пририсовала сбоку котёнка.

- Позвоните в свою квартиру, - ответил Егор и повесил трубку.

Звонок начался сразу, ещё до того, как он успел убрать руку. Соня вздрогнула так сильно, что тряпка упала на ботинки. Егор снова снял трубку, собираясь сказать женщине, чтобы она перестала будить людей. На этот раз внизу ничего не говорили. Слышалось дыхание, потом долгий скребущий звук. Егор перевёл взгляд на собственную дверь: скребли как будто по ней, в том месте, где когда-то отодрали табличку с фамилией прежних жильцов. Но за дверью было тихо. Он отнял трубку от уха, снова поднёс. Звук оставался в динамике.

- Слушайте, уходите отсюда. Я сейчас отцу позвоню.

- Кругловы? - спросила женщина.

Егор почувствовал, как Соня сжала ему запястье. Под стеклянным глазком входной двери висела квитанция за домофон, которую мама заткнула за наличник, чтобы не забыть оплатить. Внизу на панели их фамилии не было: только номера квартир и новый рекламный телефон конторы. Женщина могла знать отца по работе, могла прийти к кому-то из соседей. Егор нашёл ещё два объяснения, пока она молчала. Ни одно ему не понравилось.

- А вы кто?

- Сергея позови. Он у вас? Скажи, Вера из шестнадцатого. Скажи, что Лёшка со мной. Пусть калитку откроет.

Соня прошептала, что папа на аварии. Женщина внизу замолчала, словно услышала и её. Затем донёсся короткий сухой треск, ударило чем-то тяжёлым, и связь пропала. Егор постоял с трубкой у уха, слушая пустое гудение. Палец лежал на кнопке открытия; он убрал его, вытер ладонь о футболку и только тогда повесил трубку. На пластмассе осталось мокрое пятно. Соня подняла тряпку и сунула её в карман пижамы.

- Папа её знает? - спросила она.

- Мало ли кого папа знает. Иди на кухню.

Егор набрал отца. Гудки шли долго, потом включился громкий насос, заглушивший первые слова. Пришлось повторить про женщину и шестнадцатый дом. Отец дышал в трубку так тяжело, словно тащил что-то на себе. Егор уже хотел спросить, скоро ли он, но насос остановился. Внезапная тишина показалась ненастоящей. На том конце кто-то сказал: «Серёг, держи, уходит», и отец отозвался не ему, а Егору:

- Ты открыл?

- Нет. Она калитку просила, которая за гаражами. Я сказал, что заварено.

- Молодец. Никому не открывай. Мама со своим ключом придёт.

- А кто это? Вера какая-то, с Лёшей. Тебя спрашивала.

Егор услышал, как отец втянул воздух сквозь зубы. Потом телефон зашуршал, будто его зажали между плечом и щекой. Когда отец заговорил снова, голос сделался глухим и злым:

- Егор, я тебе что сказал? Положи трубку, закрой дверь на оба замка и уложи сестру. Я приеду. Не звони пока, руки заняты.

Он отключился. Егор не успел сказать, что дверь и так закрыта, что Соня всё слышит и теперь точно не ляжет. Из кухни тянуло холодным сквозняком: оставили форточку, пока возились с лампой. Он проверил верхний замок, который обычно заедал, потом вернулся и завинтил плафон на место. Свет получился желтоватый, с одним тёмным пятном: пропустил мошку. Соня сидела перед открытой тетрадью и водила ручкой под строчкой, не оставляя следа.

Мама пришла в половине двенадцатого, как обещала. По дороге она купила в круглосуточном киоске глазированные сырки, два положила на стол, третий съела прямо в куртке. Про женщину выслушала без тревоги, спросила, не предлагала ли та сделать перерасчёт за газ. Узнав про отцовскую знакомую, достала телефон, но тут же передумала: Сергей на работе не любил, когда звонили из-за пустяков. Соню она уложила у себя, потому что на детском диване всё ещё сохла простыня. Егор не стал напоминать, что простыня высохла ещё утром.

После полуночи он отправил Тимуру сообщение: «Тебе никто в домофон не звонил?» Друг ответил через минуту: «У нас трубка снята, батя спит. Че?» Егор набрал начало про Веру,

стёр и написал: «Завтра расскажу». Ночью любой рассказ выглядел глупо на маленьком экране. Он лёг, оставив мобильный возле подушки. Через стену мама тихо говорила с Соней. Внизу хлопнула железная дверь, затем ещё раз, слабее. Кто-то долго топтался на первом этаже, и Егор поймал себя на том, что считает ступеньки. Человек не поднялся.

Отец вернулся в 02:06. Егор узнал время по экрану телефона, когда включил подсветку. В прихожей звякнули ключи, зашипела вода в ванной. Мама вышла из комнаты, и они поговорили негромко, но одно слово Егор всё-таки услышал: «Опять». Его сказала мать. Отец ответил что-то резкое; потом долго молчали. До Егора донёсся влажный запах рабочей одежды, земли и холодного железа. Через некоторое время отец подошёл к его комнате и остановился возле двери. Егор закрыл глаза. Он не хотел сейчас ни разговаривать, ни снова слышать вопрос, открыл ли он.

Утром отец уже спал, отвернувшись к стене. Мама оставила записку: завтрак в холодильнике, Соню после продлёнки забрать к шести. Егор выпил чай, сунул в рюкзак забытый учебник геометрии и вышел с Тимуром, который ждал на площадке. Друг ел яблоко и показывал пятно от припоя на большом пальце: вчера чинил соседям музыкальный центр. Егор начал рассказывать про звонок ещё в лифте. Тимур перестал жевать, когда услышал шестнадцатый номер.

- Там же пустырь, - сказал он. - Сколько себя помню.

Они спустились и вышли в тамбур. Снаружи моросило, мокрые объявления прижались к стеклу. Егор пропустил друга вперёд, потом придержал тяжёлую дверь и оглянулся. Внутренняя стенка стальной створки была покрашена коричневой краской, ещё летом её поцарапали велосипедом. Теперь возле прямоугольной крышки замка тянулись четыре светлые полосы. Ниже, у самого пола, виднелись ещё четыре, короче. Краска была соскоблена до серого металла и сворачивалась по краям тонкой стружкой.

Тимур вернулся, присел и провёл ногтем по нижней полосе. На ногте осталась коричневая крошка. Оба некоторое время смотрели на дверь. Егор вспомнил, с какой стороны вчера слышал скребущий звук, потом сунул руки в карманы. Между створкой и порогом застряла мокрая шерстяная нитка. Он не стал её вытаскивать.

Глава 2

Квартира восемь

На алгебре Егор трижды ошибся, переписывая условие, и получил двойку за самостоятельную. Тимур сидел сзади, время от времени стучал карандашом по спинке его стула. Обычно это означало, что надо дать списать, но сегодня друг показывал сложенный листок. На перемене Егор развернул его возле окна. Тимур нарисовал их дом, пустырь, гаражи и кривую линию за ними. На месте заваренной калитки стоял вопросительный знак. Внизу было написано: «А если она СТАРУЮ калитку искала?»

- Может, пьяная, - сказал Егор. - Ты же вчера не слышал.

- Я и не говорю, что привидение. Моя мать в гостиницу пешком ходит, ей одна бабка каждый день рассказывает про автобусную остановку, которую убрали. Тоже, наверное, в темноте забывает.

- Мой отец почему тогда перепугался?

Тимур хотел что-то ответить, но взглянул мимо его плеча и убрал листок. К ним подошла Лера Бусыгина из параллельного класса. Егор знал её лет пять, хотя разговаривали они редко: иногда вместе ходили от остановки, когда возвращались в одно время. Она носила чёрную куртку со светлой, почти белой молнией и коротко стригла волосы у висков; одна прядь постоянно падала на лицо. Сейчас прядь была убрана заколкой, а на левом запястье виднелось красное пятно от горячего утюга.

- Вы про какой пустырь? - спросила она.

Егор посмотрел на Тимура. Тот развернул листок и ткнул пальцем в шестнадцатый дом. Лера взяла бумагу, даже не спросив, и повернула так, чтобы смотреть со стороны остановки. Сказала, что линия проведена неверно: раньше между их девятиэтажкой и гаражами не было прямого прохода. Надо было обогнуть старый дом, а потом уже выходить к трамвайным путям. Егор возразил, что никаких путей там нет. Лера вернула рисунок:

- Сейчас нет. Бабушка там жила. У неё окно прямо на трамвай выходило. Второй этаж, квартира восемь.

Тимур медленно сложил листок. В коридоре грохнула железная урна: кто-то попал мячом. Учительница из соседнего кабинета закричала, чтобы прекратили немедленно. Егор стоял, прислонившись плечом к холодному подоконнику, и не мог придумать, как спросить Леру про Веру. Совпадение было слишком удобным. Ему захотелось поймать её на какой-нибудь неточности, чтобы перестать думать про ночной звонок. Он спросил, давно ли дом снесли.

- В девяносто шестом. Сначала пожар был, потом расселили. Мне пять исполнилось. Я помню только, как бабушка вещи в мешки складывала. А что?

- Нам женщина вчера звонила, - сказал Тимур. - В домофон. Сказала, что оттуда.

- Нам? - переспросила Лера.

Егор рассказал сам, стараясь не смотреть на друга. Упомянул женщину с ребёнком и требование открыть калитку, но про отца умолчал. Лера выслушала, затем спросила, как женщина представилась. Егор ответил. Она ничего не сказала, только снова попросила рисунок, вычеркнула кривую линию и начертила другую. Получился тесный угол между торцом их дома и деревянной стеной. Именно там теперь стояли два гаража: зелёный и ржавый, с криво нарисованным знаком «Парковка запрещена».

- Бабушки дома до трёх не будет, - сказала Лера. - Она к зубному. Можете потом зайти. Только без этих ваших приколов с телефоном.

После школы Тимур повёл Егора к гаражам. Дорога через пустырь раскисла, под тонким снегом лежала вода. В двух местах из земли торчали ржавые трубы. Егор и раньше видел их сотни раз, но только сейчас понял, что они могли остаться от старого дома. От зелёного гаража пахло соляркой. Под ржавым лежал замёрзший кот, которого кто-то прикрыл картонной коробкой из-под телевизора. Тимур обошёл его и полез в щель между гаражом и кирпичной будкой бывшей трансформаторной. Егор остался снаружи.

- Тут есть, - донёсся голос друга. - Подойди.

В щели было тесно, рюкзак цеплялся за стену. Калитку Егор помнил с детства: чёрная решётка с приваренным листом железа, выше человеческого роста, вся в потёках. Летом возле неё всегда рос лопух, зимой сгребали снег. Он считал её частью забора гаражного кооператива. Теперь, обойдя будку, увидел старую петлю, вбитую в кирпичную стену их дома, и кусок бетонной дорожки под землёй. Калитка когда-то вела прямо от второго подъезда за угол. На её поперечине болталось звено цепи, расплющенное и залитое сваркой.

Тимур потрогал звено, потом достал телефон и сфотографировал. Камера дала мутный серый снимок. Друг выругался и сделал второй, со вспышкой: на нём вместо калитки вышло белое пятно. Егор не стал предлагать снять видео, хотя Тимур наверняка мог принести отцовскую камеру. Ему хотелось побыстрее выбраться на открытое место. Между гаражами стоял воздух, пахнувший мокрой шерстью и чем-то ещё, сладковатым, как старый кухонный шкаф, в котором заводились мыши.

- Зачем её вообще заварили? - спросил он.

- Чтоб не шлялись, наверное. У нас везде заваривают.

Они разошлись у подъезда. Тимур побежал домой обедать, Егор задержался возле домофона. На наружной стороне никаких царапин не оказалось, только жирные пятна на цифрах и выжженный окурком кружок возле девятки. Он набрал свою квартиру. Звонок прошёл, но никто не ответил. Отец, видимо, снова уехал. Егор приложил ключ и прислушался к жужжанию замка. Оно было коротким, привычным; прежде он никогда не замечал, что после него железо ещё секунду дрожит под ладонью.

В три они пришли к Лере. Её квартира находилась на первом этаже соседнего подъезда, и у входной двери стояли сразу три пары одинаковых резиновых калош. В прихожей пахло рыбными котлетами и зубным лекарством. Нина Семёновна сидела на табурете, прижимая к щеке свёрнутое полотенце. Она оказалась маленькой, худой, с очень ровной спиной. Лера сказала, что ребята спрашивают про старый дом, и бабушка сразу попросила закрыть входную дверь на нижний замок. Егор закрыл. Тимур снял обувь и остался в полосатых носках.

- Для школы? - спросила Нина Семёновна. Говорила она невнятно: щеку ещё не отпустило после укола. - Вам задали историю района? У меня фотографии есть. Только там все люди чужие, учительнице неинтересно будет.

Лера принесла из комнаты коробку от сапог. Снимки в ней лежали вместе с квитанциями, катушками ниток и старым расплющенным бантом. Нина Семёновна перебирала их здоровой рукой, придерживая края мизинцем. Нашёлся деревянный дом с облупленными наличниками, снятый летом из-за забора. На втором этаже кто-то вывесил одеяло, а возле крыльца стояла детская коляска с большим жестяным кузовом. В углу снимка виднелся торец их девятиэтажки: белые швы, первые этажи с ещё одинаковыми окнами. Егор неожиданно узнал свой дом и от этого сильнее почувствовал возраст фотографии.

- А Вера там жила? - спросил он.

Пальцы Нины Семёновны остановились. Лера стояла возле плиты и резала хлеб. Нож перестал стучать по доске, но бабушка этого не заметила. Она положила фотографию обратно в коробку и спросила фамилию. Егор сказал, что фамилии не знает, только имя сына: Лёша. Тимур переступил с ноги на ногу. Егор услышал, как через стену у соседей льётся вода в ванну.

- Вера Сазонова, - сказала Нина Семёновна. - С первого этажа. Из третьей. Мы с ней на одной кухне не были, у нас наверху своя. Мальчишка её часто у меня сидел. Уроки делал, пока она работала. Расторопный такой. Всё время спешил.

- Она вчера сказала: квартира восемь, - произнёс Егор.

- Восемь моя была. Откуда она вам сказала?

Тут Лера рассказала про звонок. На этот раз Егор добавил, что женщина звала отца, и сам удивился, как громко прозвучало в маленькой кухне его «Сергея». Бабушка смотрела на него внимательно, дольше, чем хотелось. Потом сняла полотенце со щеки, сложила его вчетверо и положила на стол. Кожа под ним была красная, с белой полоской от шва. Она спросила, не Сергей ли Круглов его отец. Егор кивнул. Нина Семёновна взяла край скатерти и зачем-то разгладила старую жёлтую складку.

- Вера погибла. И сын её погиб. В тот пожар.

Тимур сразу сказал, что кто-то разыгрывает, знает старую историю. Он говорил быстро, почти весело, предлагал записать звонок на камеру, поставить её у Егора в коридоре. Нина Семёновна его не слушала. Она смотрела на дверь кухни, за которой висела их собственная трубка домофона. Оттуда ничего не доносилось. Егор вспомнил, как вчера женщина прикрыла микрофон и сказала ребёнку держать шарф. Он вдруг понял, что не хочет слышать запись, даже если они сумеют её сделать.

- Они ведь не сразу сгорели, - тихо сказала Нина Семёновна. - Мы сначала все наверх побежали, к нам. Внизу уже дым был. Потом окна открыли. Лёшка всё спрашивал, можно ли во двор, там воздух. Я думала, сейчас помощь придёт. Мне потом это много лет снилось.

Лера обняла её за плечи, неловко, сбоку, чтобы не задеть больную щеку. Бабушка погладила её кисть и попросила убрать фотографии. Егор помогал складывать их в коробку, пока не наткнулся на второй снимок: пять человек возле того же крыльца, на земле таз с мокрой одеждой. С краю стоял его отец, молодой и очень худой, в спортивных брюках. Он смотрел мимо фотографа и держал обеими руками тяжёлый моток цепи. Егор узнал его раньше, чем успел придумать себе другое объяснение. Моток уходил за нижний край снимка. На запястье отца темнел широкий ремешок часов, которые до сих пор лежали у них в комоде.

Он вернул фотографию в коробку лицевой стороной вниз. Нина Семёновна ничего не сказала, хотя видела, на что он смотрит. Лера проводила их до двери, сунула Егору в руку листок с домашним телефоном и добавила номер мобильного. Попросила звонить, если повторится. Когда они вышли, Тимур снова заговорил про камеру. Егор кивнул. Отцу он решил пока не звонить: хотел дождаться его дома и спросить, глядя в лицо. Во дворе начал темнеть снег. До шести, когда нужно было забрать Соню, оставалось меньше двух часов.

Глава 3

Чужая доставка

Соню он забрал последней. Воспитательница выключила телевизор, сунула ему сестрин пакет со сменкой и попросила передать матери, что продлёнка работает до шести, а не до семи. Было 18:12. Егор извинился, хотя собирался сказать, что они с Тимуром задержались совсем ненадолго: надо было найти кассету для камеры, зарядить аккумулятор. Соня обувалась молча. Она натянула сапог на подвернувшийся задник и вышла в коридор, прихрамывая, но поправлять не позволила. Только за школьной оградой остановилась, сняла варежку и полезла пальцем в сапог. Пакет со сменкой Егор взял у неё, ничего не говоря.

- Мама тебе звонила, - сказала Соня. - У тебя выключено.

Телефон действительно разрядился. Егор за день раз двадцать открывал сообщение от Тимура, где было всего три слова: «Спрошу у бати». Ему казалось, друг вот-вот пришлёт что-нибудь ещё, объяснит происхождение царапин или сообщит, что старые жильцы живут в другом районе и вчера решили пошутить. Вместо этого мобильный пискнул на последнем уроке и отключился. Егор сунул его обратно в карман и сказал Соне, что дома зарядит. Сестра шла на полшага впереди, переставляя ноги через неглубокие лужи. На её рюкзаке болтался плюшевый заяц, потемневший от сырости.

Отец ещё не вернулся. На кухне стояла сковородка с картошкой, прикрытая другой сковородкой. Егор разогрел ужин, налил Соне чай и отправил её мыть руки. В раковине обнаружились две отцовские кружки. Одна с засохшим кофе, другая с чайным пакетиком, прижатым ложкой. Значит, приезжал днём, но ушёл снова. Егор поставил телефон на зарядку и набрал его, как только экран засветился. Отец не взял. Через минуту пришло сообщение: «Завтра поговорим. Сейчас не могу». Егор смотрел на эти четыре слова, пока Соня не попросила хлеба.

Тимур принёс камеру в восемь. Он держал её в мягкой сумке, которую отец обычно брал на свадьбы родственников. Разрешение удалось получить с условием: на улицу не выносить, штатив не трогать, крышку с объектива снять и не потерять. Вместо штатива они поставили возле тумбочки стопку учебников и сверху - коробку из-под зимних ботинок. Камера оказалась тяжёлой, с откидным экраном величиной со спичечный коробок. Тимур показал значок батареи и заверил, что хватит на час. Егор спросил, зачем снимать весь коридор, если нужен только звук.

- Чтобы потом было видно, кто чего нажимал, - ответил друг. - А то твой отец скажет: придумали.

Егор хотел возразить, но не нашёл убедительных слов. Он не рассказывал Тимуру о сообщении. Пока тот подключал зарядное устройство, Соня принесла из комнаты своего зайца и посадила на тумбочку рядом с камерой. Пришлось объяснять, что это не кино и никто её снимать не будет. Она сказала, что и не собиралась сниматься, и ушла, забрав игрушку. Вслед за этим позвонила мать. Сказала, что на почте сломалась дверь служебного входа, мастер ещё едет, она задержится. Спросила, дома ли папа. Егор ответил, что нет.

До половины десятого ничего не случилось. Тимур несколько раз проверил запись, обнаружил, что забыл нажать красную кнопку, и включил снова. На кухне включили телевизор, но звук убрали почти до нуля. Соня раскрашивала в комнате каких-то нарядных собак. Егор поймал себя на том, что ждёт звонка с нетерпением: хотелось поскорее увидеть, как всё окажется простой глупостью. За окном горели окна соседнего подъезда. В одном мужчина развешивал гирлянду, хотя до Нового года было ещё полтора месяца. Лампочки мигали красным и зелёным, прерываясь на одном и том же месте.

В 21:43 домофон зазвонил. Егор встал так резко, что задел стол коленом. Тимур кинулся к камере, посмотрел на экран и показал большой палец. Егор поднял трубку. На этот раз связь была чистой, без треска и посторонних ударов. Женщина снизу спросила, не в сорок девятой ли квартире живут Кругловы. Голос был другой: моложе, чуть выше, с деловой усталостью. Егор ответил, что да.

- Из аптеки доставка. Передать велели. Вы откройте, пожалуйста, я на этаж подниму, у меня ребёнок здесь, не оставлять же его.

- А что заказала?

- Набор, который выкупить просила. Я пакет запечатанный не вскрываю. Двести восемьдесят шесть рублей, чек внутри.

Мать действительно иногда просила знакомую с почты купить лекарства по дороге. У Сони заканчивались таблетки от аллергии, а аптека возле дома закрывалась в восемь. Егор уже слышал от матери про заказ: три дня назад она говорила по телефону, записывая что-то на обороте квитанции. Он повернулся к Тимуру. Тот беззвучно спросил: «Что?» Егор прикрыл ладонью трубку и сказал про аптеку. Друг пожал плечами. В комнате Соня уронила коробку с карандашами. По полу покатилось что-то круглое, зашуршала бумага.

- Поднимайтесь, - сказал Егор и нажал кнопку.

Внизу коротко зажужжал замок. Женщина поблагодарила. На заднем плане кто-то втянул носом воздух, затем послышался знакомый сухой кашель. Егор держал палец на кнопке дольше, чем нужно. Когда убрал, трубка уже молчала. Он не повесил её сразу, смотрел на номер сорок девять, нацарапанный возле винта ещё прежними жильцами. Тимур спросил, что случилось. Егор ответил: «Ничего», и сам услышал, как плохо это прозвучало.

Они ждали возле двери. Лифт не поехал. На лестнице никто не поднимался, никто не хлопал почтовыми ящиками. Егор посмотрел в глазок: жёлтая площадка, серый мусоропровод, красное пятно огнетушителя у соседей. Через минуту он открыл дверь на цепочку. Пахнуло холодом. На их четвёртом этаже обычно было жарко: батарею возле окна не перекрывали даже в оттепель. Сейчас Егор увидел собственный выдох. Тимур из-за плеча попросил не открывать шире. Они прислушались. Снизу донёсся короткий звук, будто кто-то переставил на пол пустое ведро.

- Маминой знакомой не надо бояться, - сказала Соня. Она стояла в коридоре, держа заяца за ухо. - А то она подумает, что нас нет.

Егор снял цепочку и вышел на площадку. В лифте горела цифра один. Одна створка двери на первом этаже могла застрять, это случалось постоянно. Тогда лифт так и оставался внизу, пока кто-нибудь не толкнёт дверь. Егор нажал кнопку вызова. Цифра не изменилась. Он свесился через перила и позвал: «Вы из аптеки?» Голос ушёл вниз и вернулся странно коротким эхом, словно под третьим этажом положили плотную крышку. Никто не ответил. Тимур вышел следом, закрыв дверь так, чтобы язычок не защёлкнулся.

Они спустились на один пролёт. На третьем этаже из квартиры пахло жареным луком, работал телевизор. Егор чуть успокоился. Ещё ниже было темнее: лампочку на втором выкрутили неделю назад, чтобы поставить на первом вместо перегоревшей. Он держался за перила, Тимур светил маленьким фонариком от связки ключей. Когда луч попал на нижнюю площадку, оба остановились. Под почтовыми ящиками лежал длинный тёмный коврик, которого раньше не было. Он был узкий, с полосатыми краями, и уходил к лестнице в подвал. Из ворса вытекала вода.

- Это Валентина притащила, - сказал Тимур. - Чтобы грязь собирал.

Егор кивнул, хотя видел, что коврик не у входа, где его имело смысл класть. Он начинался у стены напротив почтовых ящиков, там, где раньше была надпись «Здесь не курить», и тянулся поперёк площадки. У подвальной двери край уходил под штукатурку. Казалось, его замуровали, оставив снаружи большую мокрую петлю. Возле самого порога темнели два следа:

взрослый ботинок и маленькая подошва с ёлочками. Оба смотрели от входа к подвалу. Обратных следов не было.

На улице Егор увидел только мокрый снег и человека у банкомата в пристройке. Он дошёл до угла, посмотрел на пустырь. За гаражами темнело, но фонарь над баками освещал дорожку целиком. Женщины с ребёнком не было. До остановки отсюда идти минуты три, и он попытался убедить себя, что она просто передумала, увидела номер дома и ушла. Тимур не торопил. Стоял у железной двери и подставлял ладонь под доводчик, чтобы не захлопнулась.

Когда они вернулись, Соня сидела на табурете в прихожей. Дверь всё-таки защёлкнулась, и она открыла её, не спросив, кто пришёл. Егор прикрикнул так, что девочка заплакала. Он сразу пожалел, но извиниться не смог: трясло от холода и от того, что произошло внизу. Тимур увёл Соню на кухню, налил воды. Егор набрал мать. Она ответила после второго гудка, и он спросил про лекарства. Мать сказала, что таблетки купила ещё в среду, они лежат в верхнем шкафчике. Никакой доставки не ждёт.

- Что, мошенники? - спросила она. - Ты деньги не отдавал?

Егор ответил, что нет, и выслушал привычное: никому ничего не платить, дверь не открывать, она сейчас придёт. Телефон нагрелся у уха. Он хотел рассказать про вчерашний звонок снова, про мёртвую женщину, про фотографию с цепью, но мать уже говорила с кем-то рядом. Пообещала, что дома разберутся, и отключилась. Егор закрыл шкафчик. Таблетки лежали возле градусника, в белой коробочке с зелёной полосой. На боку мама подписала фломастером Сонино имя.

Тимур перемотал запись. Камера сняла спину Егора, край вешалки, сонную Соню в дверях комнаты. Голос женщины получился совсем тихим, зато их разговор друг с другом был слышен отчётливо. На слове «ребёнок» Тимур прибавил громкость. Сначала ничего не изменилось. Потом оба услышали, что женщина сказала не «у меня ребёнок здесь», как показалось Егору, а «у меня ребёнок в дыму». После этого он спрашивал про заказ, она отвечала про пакет. Про лекарства ни разу не произнесла.

Егор потребовал прокрутить ещё раз. Тимур прокрутил. На маленьком экране Егор наклонился к трубке, прикрыл её ладонью и сказал другу: «Из аптеки». Ровно в эту секунду из динамика донёсся другой голос, едва различимый, детский: «Мама, он же открыл». Потом камера дрогнула, когда Тимур задел коробку локтем, и в кадре на секунду показалась нижняя часть входной двери. Под ней, на их коврике, лежал тонкий слой серого песка. Когда они уходили вниз, коврик был чистым.

Глава 4

Между первым и вторым

Мать приехала без пяти одиннадцать и сразу села на кухне, даже не сняв шапку. У неё болели ноги. Егор поставил перед ней чай, достал из сумки хлеб и замер возле стола, ожидая вопроса. Но она спросила про Соню: почему глаза красные. Он сказал, что поругались из-за двери. Мать устало посмотрела на него и попросила не срываться на сестре. До записи добрались только после того, как Соня легла. Тимур к тому времени успел позвонить домой и получил разрешение остаться ещё на полчаса.

Ольга Николаевна смотрела на экран с недоверием. Женщину в домофоне она почти не разобрала, детский голос не услышала совсем. Егор просил её наклониться ближе. Она наклонялась, морщилась и каждый раз говорила, что с таким звуком можно услышать что угодно. Когда сын рассказал про мокрый коврик и следы, мать встала, прошла в прихожую и приоткрыла дверь. Серая крупа лежала возле порога неровной полоской. Она провела по ней подошвой, принесла веник и смела на совок.

- Это с ваших ботинок. На улице чем сыплют? Ходили туда-сюда, натаскали. Завтра вытрясешь коврик.

Егор посмотрел на свои кроссовки. Они стояли под вешалкой, мокрые по краям, с чёрными комьями земли в бороздах. Серой крупы на подошвах он не видел. Тимур хотел что-то сказать, но Егор покачал головой. Мать была бледная и сердитая; убедить её сейчас значило заставить ещё раз смотреть маленький экран, слушать шипение, спрашивать, с какой стороны вода. Вместо этого она позвонила Сергею. Отец взял трубку сразу. Мать ушла с телефоном на кухню и прикрыла дверь, а Тимур начал складывать камеру.

- Давай я внизу гляну, - сказал он негромко. - Если коврик остался, снимем нормально. Тут всё равно ничего не видно.

Егор не хотел снова идти к подвалу. Он представил край дорожки, входящий в штукатурку, и уже приготовился отказаться, но друг поднял на него глаза. Тимур не улыбался, не изображал смельчака. Ему тоже было страшно. Это почему-то помогло Егору решиться. Он надел кроссовки, взял домашние ключи и попросил мать разрешить проводить Тимура до квартиры. Та махнула рукой через стеклянную вставку кухонной двери. Они вышли и осторожно закрыли нижний замок.

Лифт по-прежнему стоял на первом. На их этаже пахло разогретой капустой, за дверью Руденко работал телевизор. Бывший участковый жил этажом выше, но последние годы часто сидел у приятеля в пятидесятой, следил оттуда за теми, кто курит возле мусоропровода. Егор вспомнил, что однажды Руденко вывернул Тимуру карманы, ища зажигалку. Тогда друг был в шестом классе, сигарет не курил, а в кармане нашлись два винта и деталь от наушников. С тех пор Тимур здоровался с ним подчёркнуто вежливо, по имени-отчеству, от чего тот сердился ещё сильнее.

Камеру Тимур нёс под курткой, объективом вниз. На втором этаже он остановился, открыл экран и снял крышку. Свет от фонарика был слабый, желтоватый. Внизу мокрая дорожка лежала на прежнем месте. К ней добавилась ещё одна полоса, уже светлее, из половиков, сшитых крупными стежками. Она начиналась у подвала и уходила к проходу под лестницей. Егор невольно посчитал двери. Железная подвальная, дверь к счётчикам, наружная, стеклянная тамбурная. Между счётчиками и подвалом оставался узкий промежуток, где дворник держала лопаты. Теперь там темнела ещё одна дверь, деревянная, с облупленной филёнкой.

Тимур поднёс камеру к глазу. Она коротко пискнула, на экране появилось изображение. Он вёл объектив медленно, снизу вверх, и шептал, что запись идёт. Егор держал фонарик и

вдруг понял: видит на экране то же самое. Дорожка, коричневая деревянная дверь, тёмный след от снятого номера и отверстие под гвоздик. Никакого объяснения через плохой свет не получалось. Он передвинул луч на стены. Возле старой двери бетон был влажный, с узором мелких пузырьков. Вода выступала прямо из него.

- Давай обратно, - сказал Егор.

Тимур опустил камеру. Снизу донёсся шум воды, словно в коридоре открыли кран. Но трубы отопления у них проходили с другой стороны. Егор видел, как по краю половика медленно поднимается тёмное пятно. От него пахло сыростью, холодной золой. Под деревянной дверью мелькнула полоска света. Тень прошла поперёк, задержалась и вернулась. Затем кто-то осторожно постучал с той стороны, два быстрых удара и один длинный.

- Здесь открыто? - спросила женщина.

Егор попятился на ступеньку. Каблук Тимура упёрся в его носок, оба едва не упали. Женщина за дверью снова спросила, только уже громче. Ручка шевельнулась, поднялась вверх и медленно опустилась. Дверь не открылась. Егор неожиданно подумал, что это может быть мама: она вышла вслед за ними, спустилась незаметно и теперь стоит внизу. Мысль продержалась секунду. У мамы не было причины спрашивать с той стороны двери, которой ещё днём вообще не существовало.

- Нам на улицу, - сказала женщина. - У вас сквозной выход есть? Я мальчика сюда привела. Он задыхается.

Тимур взял Егора за рукав. Они начали подниматься, стараясь не шуметь. На втором этаже фонарик погас: кнопка утонула между пальцами. Егор нащупал её и включил снова. Внизу женский голос просил не уходить. Теперь в нём слышалась злость, обида, дыхания почти не хватало на слова. Кто-то закашлялся так, будто его сейчас вырвет. Егор остановился. Он помнил, что сказали у Леры дома, но звук больного ребёнка всё равно заставлял смотреть вниз. Тимур дёрнул его за рукав сильнее.

- Она не выйдет? - шепнул Егор.

- Откуда мне знать? Иди.

На площадке второго этажа распахнулась дверь сорок первой квартиры. Вышла Ирина Викторовна из библиотеки, в длинном синем халате и с ведром. Она взглянула на ребят, на камеру, потом на мокрый пол внизу. Спросила, опять ли трубу прорвало. Егор попытался сказать, что вниз нельзя, но слова вышли слишком тихими. Женщина за дверью услышала движение и позвала громче: «Хозяйка! Помогите!» Ирина Викторовна наклонилась через перила. Ведро ударило о стену.

- Кто там у вас? - спросила она.

Деревянная дверь внизу дрогнула. По полу побежала вода, тонким слоем, блестя в луче фонарика. Егор ухватил Ирину Викторовну за свободную руку и сказал уже громко: не надо. Она резко освободилась, посмотрела на его пальцы и вытерла запястье о халат. Лицо у неё стало таким, будто он позволил себе неприличную шутку. Тимур повернул к ней экран камеры, но женщина отодвинула его, даже не взглянув.

- Вас кто просил здесь кино снимать? Люди спят. А вы кого-то заперли, что ли?

- Не мы, - сказал Егор. - Там дверь появилась. Её не было.

Ирина Викторовна спустилась на две ступеньки. Из-за дерева снова кашлянул ребёнок. Она остановилась и тихо спросила, как его зовут. Ответила женщина, не сразу: Алёша, семь лет, ему надо на воздух. Егор ждал, что соседка побежит открывать. Вместо этого она сжала дужку ведра обеими руками. Он видел только её затылок и выбившийся из причёски седой волос, влажный от воды. Потом Ирина Викторовна повернулась и стала подниматься обратно, медленно, боком, как после долгой болезни.

- Домой идите, - сказала она. - И матери скажите, чтоб дверь заперла. Вы ничего не трогали?

Вопрос прозвучал почти так же, как вчера у отца. Егор открыл рот, но Тимур успел ответить, что ничего. Ирина Викторовна посмотрела на него внимательно, затем на Егора. Снизу ударили по дереву ладонью. Женщина вздрогнула и чуть не выронила ведро. Из квартиры у неё зазвонил телефон. Она поспешила туда, бросив через плечо, что сейчас вызовет аварийную службу. Ребята поднялись следом, не дожидаясь, выполнит ли обещание.

Тимур жил на пятом этаже. У его двери пришлось постоять: замок заедал, мать открыла не сразу. Камеру он успел сунуть в сумку, а Егору шепнул, что завтра утром принесёт кассету. Из квартиры пахнуло выпечкой, громко спросили, поел ли Егор. Он ответил, что да, и спустился к себе. Перед собственной дверью задержался, проверяя коврик. Снова появились серые крупинки, хотя мать только что сметала их. Егор провёл пальцем по порогу, понюхал. Запах был слабый, горелый. В щели под дверью висела маленькая тонкая паутинка.

Мать уже легла. На кухне горел ночник, на столе стояла чашка с недопитым чаем. Егор запер оба замка, проверил цепочку и постоял возле трубки домофона. Поднял её, прислушался. В динамике было обычное ровное гудение. Потом внизу хлопнула дверь, и кто-то нажал кнопку лифта. Он наконец поехал, остановился на третьем. Из кабины вышел сосед, загремел ключами. Егор чуть не позвал его, чтобы спросить про деревянную дверь, но дверь соседа закрылась раньше.

Он вернулся в комнату и написал Лере: «Повторилось. Есть запись. Завтра расскажем». Она ответила почти сразу: «Ты открыл?» Егор долго смотрел на вопрос. За стеной Соня сказала что-то во сне, мать успокоила её. Внизу снова ударили по железу, звук поднялся по шахте лифта. Егор написал: «Вроде сама зашла». Прочитал, стёр «вроде», затем стёр всё и погасил экран. Ответ Лере так и не отправил.

Глава 5

Утренний песок

В субботу Егор проснулся от долгого звонка в дверь. Отец сидел в прихожей на корточках, пытаясь провернуть отвёрткой застрявшую цепочку. Он приехал под утро, и Егор даже не слышал, как его впустили. Мать стояла за его спиной в накинутой кофте. В глазок было видно Ирину Викторовну: она держала перед собой обе руки, словно боялась испачкать ими халат. Когда цепочка наконец поддалась, женщина шагнула в прихожую, не поздоровавшись. От неё тянуло сырым погребом.

- Серёжа, посмотри, - сказала она. - Я не могу понять.

На её запястьях темнели полосы. Егор сразу вспомнил, как хватал её ночью за руку, и спрятал собственные ладони в карманы. Но полос было слишком много. Они тянулись от запястья к локтю, ровные, узкие, пересечённые поперечными бороздками. Такие следы оставались на ногах от тугих носков. Ирина Викторовна держала руки неподвижно, и вода капала с кончиков пальцев прямо на линолеум. Мать принесла полотенце, осторожно промокнула кожу. Вода выступила снова.

Отец взял женщину за локоть и вывел на площадку. Егор последовал за ними. Ирина Викторовна говорила, что легла в два, потом всё время просыпалась от стука. Под утро услышала у себя в прихожей ребёнка, решила, что соседский мальчик вошёл через незапертую дверь. Встала посмотреть, увидела на полу воду. Стала вытирать воду у стены. Тряпка зацепилась за отставший край обоев. Она потянула сильнее, и пальцы вдруг ушли под обои, как в мокрый песок. Женщина говорила медленно, внимательно подбирая слова, будто давала показания, от которых зависело, поверят ли ей вообще.

- Я вытащила, - сказала она. - Еле вытащила. А теперь вот.

Отец слушал с опущенной головой. Спросил, видела ли она что-нибудь ещё. Ирина Викторовна ответила не сразу: за стеной было светло, хотя окно в соседней квартире выходит на другую сторону. И пахло печкой. Она провела полотенцем по запястьям, затем вдруг посмотрела прямо на Егора. Он отвёл глаза. Мать сказала, что нужно вызывать скорую: мало ли какое вещество в воде, может, ожог. Женщина попыталась возразить, но Ольга Николаевна уже вернулась за телефоном.

Егор спустился вниз. Было без четверти девять, за окном лестницы стоял мутный утренний свет. Лампочка на первом этаже горела, на полу валялись два рекламных листка. Под почтовыми ящиками не было ни коврика, ни половика. На месте деревянной двери стоял знакомый железный шкаф со счётчиками. Справа от него прислонили лопату, снизу торчала дворницкая метла, перевязанная синей проволокой. Егор провёл ладонью по стене. Сухая штукатурка, старые неровности, пыль на выступе. Примерно на высоте его колена темнело круглое пятно, но оно было и раньше: кто-то прислонял велосипед.

Он присел возле подвальной двери. В углу, за метлой, лежал маленький деревянный предмет. Сначала Егор принял его за обломок прищепки. Потом увидел металлический стержень, две широкие круглые пуговицы и моток жёлтой нитки. Получилась машинка: спичечный коробок, оклеенный бумагой, четыре пуговицы вместо колёс, оси из проволоки. Коробок разбух, бумага отслоилась. На боку проступало написанное шариковой ручкой «Такси». Егор не стал брать машинку голыми руками. Достал из кармана носовой платок и завернул её, стараясь не нажать на колёса.

На улице рабочие выгружали из фургона ящики с кефиром для магазина. У первого подъезда дворник Валентина Петровна сбивала лопатой грязь с решётки. Егор подошёл, поздоровался и спросил, не стелила ли она вчера коврик. Та откинула с лица край платка, уставилась

на него и потребовала показать, где коврик. Пришлось объяснить про воду и подвал. Валентина Петровна подняла лопату на плечо и пошла смотреть. Егор шёл рядом, чувствуя себя мальчишкой, который сообщил о разбитом стекле и теперь должен показать, кто разбил.

- Чисто тут, - сказала она, осмотрев первый этаж. - Вы, главное, сами не лезьте. Я начальству скажу, пусть слесаря присылают. Не было тут никакой воды, вчера вечером мыла.

- А дверь деревянная раньше была? Под лестницей?

Дворник посмотрела на него уже иначе. Сдвинула метлу, заглянула за неё, затем вытерла ладонь о фартук. Ответила, что под лестницей всегда хранили инвентарь, сколько она работает. Потом добавила, что в девяностые там действительно ставили перегородку, но не такую, как он думает: сетку, чтобы дети не таскали инструмент. Егор ещё не говорил, какую дверь видел. Она поставила метлу на место, повернулась к выходу и больше ничего не спросила. Возле наружной двери остановилась, ощупала царапины и сказала, что такие вещи надо сразу сообщать взрослым.

Скорая приехала через двадцать минут. Егору пришлось посторониться на лестнице, пропуская врача с чемоданом. Отцовские следы на площадке блестели водой. В квартире Ирины Викторовны громко работал телевизор, хотя сама она сидела у них на кухне. Мать объясняла врачу, что это точно не обычный след от одежды. Врач попросил показать руки, потрогал кожу через перчатку и нахмурился. Егору показалось, что он услышал слово «некроз», но мать в этот момент закрыла кухонную дверь, и продолжения он не разобрал.

Он вышел к Тимуру. Друг открыл в майке и спортивных штанах, со следом подушки на щеке. Отца дома не было: с утра ушёл на рынок за запчастями. Мать месила тесто и велела обоим сначала съесть по лепёшке, только потом заниматься своей техникой. Тимур принёс камеру на кухню, поставил рядом с сахарницей. Они пили чай и смотрели, как на записи фонарик выхватывает мокрый половик. Изображение было зернистым, с жёлтым пятном посередине, но дверь виднелась отчётливо. Тимур остановил кадр и повернул экран к матери.

- Это у вас внизу? - спросила она. - Ничего себе. Когда поставили?

Егор почувствовал такое облегчение, что чуть не выронил ложку. Хоть кто-то видел то же, что они. Тимур сказал, что ночью дверь была, а утром пропала. Мать посмотрела на него, затем на Егора. Улыбаться не стала. Попросила показать запись сначала. Женский голос получился хуже, чем коридорный: ветер бил в микрофон, хотя в подъезде ветра не было. Когда с той стороны закашлял ребёнок, мать перестала месить. Егор увидел, что у неё на щеке осталось белое пятно муки. Потом она спросила, не снимали ли они это в старом доме на окраине. Тимур ответил, что нет.

- Ладно, - сказала она наконец. - Я вашему папе позвоню. И камеру больше не берите без меня. Если там авария, нечего ходить.

Она забрала камеру, аккуратно закрыв экран, и поставила на холодильник. Тимур хотел возмутиться, но Егор коснулся его колена под столом. Запись теперь видела взрослая женщина, и это казалось важнее камеры. Они вышли в прихожую, где пахло влажными сапогами, и Егор достал платок с машинкой. Тимур развернул его на подоконнике, ничего не трогая. Одно колесо всё-таки отвалилось и покатилось к краю. Он поймал пуговицу ладонью.

- Самодельная, - сказал друг. - Я такую в первом классе делал. Только из пластилина. Откуда?

Егор объяснил. Тимур присел, рассматривая коробок сбоку. На торце сохранилась часть фабричной этикетки: красный олень и цифра один. Бумага была чёрная по краю, словно её держали слишком близко к огню. Он понюхал, скривился и завернул всё обратно. Егор сказал, что надо показать Нине Семёновне. Друг согласился сразу. Внизу хлопнула входная дверь, по лестнице поднялся отец Тимура с картонной коробкой. Они расступились. Он поздоровался с Егором, заметил платок и спросил, не порезался ли тот. Егор ответил, что нет.

К Лере они пришли без звонка. Бабушка спала после бессонной ночи, сама Лера сидела на полу в комнате, перебирая видеокассеты: в прокате списывали старые боевики, хозяин позволил забрать домой коробку. Егор поставил машинку на газету возле её колена. Лера посмотрела, затем встала и закрыла дверь комнаты. На её лице не было удивления. От этого Егору стало хуже, чем от испуга Тимуровой матери.

- Я тебе вчера писала, - сказала она. - Ты не ответил.

- Телефон сел.

- Ты прочитал. Две минуты потом был в сети, потом вышел. В аське видно.

Егор открыл рот, собираясь объяснить, что не знал, как ответить. Лера подняла машинку за проволочную ось и тут же поставила обратно: мокрая бумага прилипла к пальцу. Она спросила, где именно он её нашёл. Егор рассказал, не упоминая про аптеку. Лера выслушала до конца, затем попросила позвать бабушку, но сама тут же отменила просьбу. Сказала, пусть поспит. Она уже ночью спросила про мальчика. Нина Семёновна вспомнила, что Лёша всё время делал что-нибудь из коробков и таскал по квартире на нитке. Женщина из третьей ругалась: под ногами валяется, наступишь в темноте.

Тимур убрал руки с газеты. Из бабушкиной комнаты донёсся кашель, обычный, утренний. Лера повернулась к двери. Егор смотрел на мокрую машинку и ждал, когда она спросит ещё раз, открыл ли он. Но Лера присела рядом, выдвинула из-под кровати старую картонную папку и сказала, что накануне нашла кое-что о дворе. Между планом квартиры и справками лежал чертёж двух домов. Короткая линия связывала их торцы. Возле неё бабушкиной рукой было написано: «Проход к трамваю».

Егор вспомнил фотографию с цепью и отцовское «Ты открыл?». Он не хотел продолжать врать, но правда теперь означала, что мокрая дорожка, скорая помощь и Ирина Викторовна с исполосованными руками появились после нажатия его пальца на кнопку. Он взял со стола карандаш, обвёл на чертеже калитку и попросил Леру показать, куда выходила дорожка дальше. Она придвинула папку, оставив между ними мокрую игрушку.

Глава 6

Провода

Когда Егор вернулся, отца дома не было. Мать мыла кухонный пол и велела не заходить, пока не высохнет. На балконе висело полотенце, которым вытирали руки Ирины Викторовны. Врач увёз соседку в больницу, подозревал глубокое поражение тканей, хотя снаружи кожа оставалась целой. Номер больницы мать записала на листке рядом с телефоном. Егор спросил, можно ли будет ей позвонить. Мать сказала, что после четырёх, когда оформят, и спросила, не забыл ли он о стирке Сониной формы. Он забыл.

В ванной Егор намылил воротник и оставил платье в тазу. Вода почти сразу стала серой. Внизу позвонили, но это был электромонтёр: представился Павлом, назвал номер заявки. Мать открыла сама и пошла к двери, надевая тапочки на ходу. Через минуту вошёл худой мужчина с длинной сумкой и вязаной шапкой, не прикрывавшей уши. На куртке у него криво пришили нашивку с названием домофонной фирмы. Он попросил бумажку с номером договора, потом передумал: квартира и так есть в списке. Снял трубку, посмотрел на винты, спросил, давно ли барахлит.

- Звонят чужие, - сказала мать. - И внизу дверь плохо держит. Муж звонил, объяснял. Вы с ним говорили?

- Диспетчер передал: самопроизвольные вызовы, посторонний звук. Посмотрим. У вас соседи трубку не меняли? Бывает, на рынке купят левую, а потом весь стояк чудит.

Егор стоял у стены и следил, как Павел откручивает крышку. Внутри оказались два провода, плата и маленький круглый динамик. Всё выглядело разочаровывающе просто. Никаких следов гари, никаких мокрых ниток. Павел подтянул винт, потрогал провод, сказал, что контакт нормальный. Потом попросил спуститься с ним и позвонить сверху, когда подаст знак. Мать осталась в квартире, Егор взял куртку. Павел не возражал. На лестнице он спросил, давно ли заварена подвальная дверь. Егор ответил, что она всегда запиралась, но не была заварена. Мастер кивнул, будто именно это и хотел узнать.

У наружной панели он открыл металлическую крышку специальным ключом, присел и достал прибор с двумя щупами. Снег лип к коленям рабочих брюк. Егор стоял рядом, придерживая дверь, и смотрел на спутанные тонкие провода. Павел попросил отпустить створку: нужно проверить доводчик. Егор отошёл. Дверь медленно закрылась, не дойдя последних двух сантиметров. Мастер поправил крепление, закрыл ещё раз. Магнит ухватил железо с глухим щелчком.

- Кто-то подпирал, доводчик выкрутили, - сказал он. - У вас курят в тамбуре? Или коляски оставляют?

- А он сам может открыть? Если замкнуло?

- Всякое может. Но чаще кнопка в трубке западает. Ты нажмёшь, а она обратно не вернулась. И стоит открытый хоть всю ночь.

Павел попросил мать по телефону снять трубку. Набрал сорок девять, послушал её голос в динамике, велел нажать открытие и отпустить. Егор увидел, как маленький огонёк на плате вспыхнул, погас. Мастер проделал это ещё три раза, затем переключил прибор на другой предел. Под панелью обнаружилась старая чёрная оболочка, обрезанная и замотанная изолентой. Павел потянул её, нахмурился и спросил, не было ли раньше в подъезде кодового замка. Егор не помнил. До домофона дверь закрывалась на пружину, и любой мог войти.

- Это не наш кабель, - сказал Павел. - Чей-то старый. Не подключён. Я вам подпишу, чтобы следующий опять не ковырял.

Павел набрал ещё две квартиры. В одной ответил мужчина, велел не звонить с рекламой и бросил трубку. В другой долго молчали, потом женщина сказала, что слышит нормально. Егор узнал голос соседки с шестого: та продавала на рынке цветы и всегда ставила букеты в лифте, пока доставала ключи. Сейчас она спросила, нельзя ли сделать звонок потише, слишком резко трещит. Мастер объяснил, что для этого надо прийти к ней, на панели громкость по квартирам не регулируется. Женщина согласилась, попросила только разуться: у неё помыто.

Егор проводил Павла наверх. Возле квартиры соседки стояли два ведра с хризантемами, обёрнутыми газетой. Мастер чинил её трубку минут пять, потом велел Егору позвонить снизу, проверить. Он спустился один. На первом этаже всё оставалось прежним, но теперь каждая задержка между нажатием и ответом казалась слишком долгой. Женщина наверху сказала, что так лучше, поблагодарила. Егор услышал в динамике её телевизор и стук инструментов, которые Павел складывал в сумку. Нормальный звук доходил сюда без единого треска.

Когда мастер вернулся, Егор спросил, может ли аппарат менять слова. Павел переспросил: перепутать цифры при наборе? Егор объяснил, что услышанное потом на записи звучало иначе. Мастер покрутил в пальцах отвёртку, ответил, что плохой динамик съедает части фразы. Если не знаешь, чего ждать, мозг сам достраивает. Егор кивнул. Ему хотелось принять это объяснение целиком, вместе с жужжанием замка, прибором и двумя тонкими проводами. Но мокрой дорожки под стеной объяснение не касалось.

Он прилепил к оболочке кусок белой ленты, написал дату: 17.11.07. Егор спросил, может ли по нему идти звук из другого дома. Павел посмотрел снизу вверх, прищурился. Не рассмеялся, как ожидал Егор. Уточнил, из какого. Егор показал на пустырь. Мастер повернулся, увидел гаражи и сказал, что при желании звук передают откуда угодно, но обрезанный кабель без питания ничего не передаст. А если речь про чужую квартиру, могут быть перепутаны линии. Он проверит коммутатор внизу, потом сделает пробный вызов.

В подъезде уже ждали Тимур и Лера. Тимур успел выпросить кассету, но камеру мать не дала. Кассету он нёс в нагрудном кармане, как документ. Лера принесла ксерокопию плана: сходила в павильон у остановки. Лист был тёплый, пах краской. Егор сложил его пополам и сунул под куртку, чтобы не намок. Павел попросил ребят отойти от щитка. Они встали возле почтовых ящиков и некоторое время молчали. Потом Тимур показал на стену: «Вот здесь». Мастер оглянулся. Лера посмотрела на Егора.

- Ночью тут дверь была, - сказал Егор. - Деревянная.

Павел закрыл щиток и поднялся. Он видел стену с расстояния вытянутой руки, мог потрогать её в любой момент. Вместо этого спросил, кто ещё видел дверь. Тимур назвал Ирину Викторовну и свою мать, которой показал запись. Лера добавила, что её бабушка жила в снесённом доме. Мастер выслушал до конца и сказал, что займётся проводами, а в стене надо разбираться управляющей компании. Но голос у него изменился: исчезла привычная готовность объяснять. Он стал складывать инструмент быстрее.

Из квартиры Руденко спустился сам хозяин. Серый спортивный костюм был застёгнут до подбородка, на босые ноги надеты резиновые шлёпанцы. Он посмотрел на сумку мастера и спросил, долго ли провозится. Павел сказал, что закончил, надо только проверку провести. Руденко кивнул и стал возле внутренней двери, сложив руки на груди. Лера спросила его, помнит ли он пожар в шестнадцатом. Старик повернул голову очень медленно. Егор невольно подвинулся ближе к ней.

- У вас каникулы закончились, молодые люди. Лучше книжки читайте. И не надо всех пугать. Здесь одинокие пенсионеры живут.

- Ирина Викторовна в больнице, - сказал Егор.

- Мне твоя мама сказала. Помощь вызвали, всё правильно. А вы чего с утра крутитесь? Милицию хотите? Организую.

Тимур опустил глаза, пряча усмешку. Руденко заметил и шагнул к нему, но Павел попросил дать пройти. Мастер вышел наружу, набрал квартиру, получил ответ матери и снова проверил открытие. Потом долго заполнял бумагу на крышке своей сумки. Егор ждал у двери. Руденко не уходил, следил за ним из тамбура. Лера с Тимуром вышли к фонарю, чтобы поговорить без него. На снегу у их ног лежали мелкие кусочки ржавчины, выпавшие из крышки панели.

- А можно совсем отключить? - спросил Егор, когда Павел протянул акт.

- Можно. Только замок отпустит. Он пока электричество есть держит. Выключишь питание - открыто. Пожарные требования. Если хочешь наглухо, нужен обычный засов, но так нельзя: люди должны выйти без ключа.

- А если внутри поставить железку, подпереть?

Павел посмотрел на него уже с явным беспокойством. Взял акт обратно, дописал что-то внизу и попросил позвать мать. Егор позвонил ей, но она как раз спускалась сама. Мастер объяснил про питание и попросил, чтобы дети не трогали щиток. Сказал, что никаких технических причин самопроизвольного открытия не нашёл, а звук может искажаться от влажности в динамике. При нём всё работало исправно. Мать расписалась. Павел дал Егору карточку с номером, добавил, что звонить лучше до девяти вечера, потом дежурит другая смена.

Они проводили его до фургона. Пока мастер убирал сумку, Егор спросил ещё раз, уже без матери: видел ли тот подобное в других домах. Павел замер, держа дверь за край. Ответил не сразу. В одном общежитии жильцы жаловались на ночные вызовы из пустых комнат. Оказалось, вахтёр подключил селектор к старой линии и забыл. Всё объяснилось. Егор понял, что мастер рассказывает это специально: предлагает нормальный случай, на который можно опереться. Он поблагодарил и отступил. Павел сел, но окно опустил снова.

- Если кто-то просит открыть, а вы не знаете кто, не жмите. И дверь не держите для толпы. Пусть каждый со своим ключом. Родителям скажи.

Фургон выехал со двора. Руденко стоял у подъезда, делая вид, что ищет что-то в кармане. Лера посмотрела на него, потом вернулась к Егору. Спросила, почему он снова не отвечает ей на один простой вопрос. Тимур отвёл глаза. Егор спрятал визитку в бумажник и сказал, что сначала надо понять, куда ведёт проход. Лера убрала ксерокопию в сумку. «Понять надо», - согласилась она. И больше до самого своего подъезда с ним не разговаривала.

Глава 7

Старая фотография

К обеду Нина Семёновна встала. Щека у неё немного спала, зато под глазом появился синяк. Она сидела возле окна с грелкой на коленях и слушала, как Лера рассказывает про Ирину Викторовну. Перебила только один раз: спросила, не та ли это Ира, что работала в библиотеке ещё при школе на Заводской. Лера не знала, Егор тоже. Нина Семёновна закрыла глаза, вспоминая, потом открыла и попросила принести коробку с фотографиями. На этот раз перебирала снимки долго, откладывая те, где виднелся двор.

Егор сидел на краю дивана. Под ногой у него шуршал отставший край линолеума. Тимур устроился на полу и рассматривал план, положив сверху тяжёлую пепельницу, чтобы бумага не сворачивалась. Лера принесла чай, но никто к чашкам не прикоснулся. Нина Семёновна нашла нужный снимок, протянула Егору. Он уже видел его вчера: отец у крыльца, цепь в руках. Снимок был сделан не во время пожара, конечно. На заднем плане сохло бельё, в доме стояли целые окна. Но теперь Егор увидел дату на обороте: август 1995.

- Короткую дорогу закрывали, - сказала бабушка. - Тогда всё огораживали. У них во дворе пьяные по ночам ходили, с трамвая через нас срезали. Руденко организовал, собирал деньги на ворота. Сначала просто цепь натянули. Ваш отец помогал, у него машина была, железо привёз.

Егор положил фотографию на колени. Ему стало легче на секунду: цепь не доказывала, что отец стоял там в ночь пожара. Он хотел сказать это вслух, но вовремя промолчал. Нина Семёновна рассказывала дальше. Сначала через проход можно было ходить: у старших по подъездам были ключи, на день открывали. Потом ключи потерялись, замок заменили, открывать перестали. Старики из деревянного дома жаловались: к трамваю приходилось обходить почти квартал. Им отвечали, что дорожка не их, двор чужой. С обеих сторон ссорились, таскали мусор под калитку, писали в ЖЭК.

- А пожар? - спросил Тимур.

Бабушка посмотрела на него. Пепельница под его ладонью качнулась, и он убрал руку. Некоторое время слышно было только, как на кухне греется холодильник. За окном от ветки к ветке перелетела ворона, тряхнула головой, сбрасывая снег с клюва. Нина Семёновна поправила грелку и сказала, что тогда было тепло, начало сентября. Дом уже обещали расселить, но обещали давно. На первом этаже две комнаты пустовали. Там собирались чужие, грелись, пили. Ночью кто-то поджёг дверь в сени.

- Кто? - спросила Лера.

- Не нашли. Мне Руденко говорил, что сами жильцы. Мол, быстрее квартиры хотели. Я с ним после этого не здороваюсь. Люди в белье на улицу выбегали, а он про квартиры.

Огонь пошёл снизу, через общую кухню и лестницу. Люди с первого этажа успели выйти с другой стороны, через окна во двор, где теперь стоял магазин. Несколько человек со второго оказались отрезаны. Нина Семёновна жила в восьмой, окнами к девятиэтажке. К ней пришли Вера с сыном, старый Фёдор Ильич из седьмой и девочка Таня, ночевавшая у тётки. Таня тогда училась в техникуме, ей было семнадцать. Лера спросила, почему на газетной вырезке написано «четверо погибших», если в комнате оказалось пятеро. Бабушка тихо ответила: «Потому что я вышла».

Егор поднял глаза. Она сидела прямо, прижав к животу резиновую грелку. В комнате было жарко, но пальцы у неё побелели от холода. Она рассказала, что первой вылезла на козырёк пристройки, чтобы помочь остальным. Окно находилось низко над крышей, перейти было легко. С козырька спускались по водосточной трубе и по решётке у соседнего окна. Лёша уже

стоял на подоконнике, когда внизу повалил дым. Нина Семёновна начала кашлять, сорвалась, повисла на крюке. Её сняли соседи из девятиэтажки. Она упала бы, если бы не подхватили.

- А остальные? - спросил Егор.

- Остальные ещё могли. Там нужно было вдоль забора, за угол. Вера видела, как я ушла. Она и повела. Но потом я уже ничего не видела. Мне тряпку на лицо положили, кто-то водой лил. Очнулась в машине. Утром сказали.

Тимур осторожно передвинул план. Путь от козырька шёл к торцу дома, упирался в забор, затем сворачивал к калитке. Если её открыть, до трамвайной улицы оставалось шагов двадцать. Если возвращаться - мимо окон кухни, из которых бил огонь. Егор смотрел на линию карандаша и вспоминал, как сам вчера стоял в щели между гаражами. У него было место развернуться, отступить, выйти на воздух. У женщины с ребёнком за спиной горел деревянный дом.

- Там кто-нибудь был? Возле калитки? - спросил он.

Нина Семёновна отвела взгляд. Лера поставила чашку на пол, чтобы та не мешала. За стеной заработала дрель, прерывисто, с визгом. Егору показалось, что бабушка даже рада этому звуку: можно несколько секунд не отвечать. Но дрель замолчала. Она посмотрела на фотографию у него на коленях и сказала, что не знает. Когда её снимали с козырька, во дворе уже было много людей. Кто-то помогал, кто-то просто смотрел. В калитку из восьмой ничего не видно: закрывает угол дома.

- Сергей там был? - спросил Егор, хотя обещал себе не спрашивать.

- Он меня и подхватил. С парнем ещё, фамилию не помню. У твоего отца потом обе руки обгорели. По запястья.

На отцовских руках действительно были старые светлые пятна. Егор знал их с детства и никогда не спрашивал: считал частью кожи, как родинку возле большого пальца. В гараже отец всегда надевал перчатки, даже летом, ругался, когда Егор брал горячее железо голыми руками. Теперь фотография казалась иной: отец помогал спасать, значит, знал погибших, потому и испугался звонка. Объяснение почти складывалось. Егор хотел удержать его, не дать рассыпаться под следующими вопросами.

Тимур спросил, почему Вера назвала восьмую квартиру, если жила в третьей. Бабушка ответила, что последние часы провела в восьмой, там они сидели и ждали пожарных. Вера до самого конца думала, что их снимут по лестнице. Звонила из окна, махала белой тряпкой, держала сына на руках, хотя он был уже большой. В восьмой был телефон, соседям позволяли звонить за две копейки. Она пыталась дозвониться кому-то во двор. Кому именно, Нина Семёновна не знала: в тот момент сама уже выбралась на козырёк.

- А через дом нельзя было пройти? - спросила Лера. - Через восемнадцатый. Как она теперь просит.

- Раньше можно было. У второго подъезда служебная дверь с той стороны. В прачечную, потом в подвал, а оттуда к вам. Я там бельё сушить носила, когда разрешали. Её давно заложили. Мы думали, пожарные откроют. Там же всегда мужики знали, где что выбить.

Егор вспомнил мокрый половик возле подвала. За деревянной дверью мог быть именно тот проход: сначала прачечная, потом угол, лестница. Он достал ручку и отметил на плане вторую линию. Тимур придвинулся ближе, начал считать расстояние по масштабу. Если прачечная находилась там, где сейчас кладовка сантехников, дверь должна была выйти под лестницу. Получалось почти точно. Лера спросила бабушку, стоял ли в прачечной железный шкаф. Нина Семёновна сказала, что были только деревянные полки и длинный стол, на котором складывали простыни.

Егор достал из кармана платок. Машинка уже немного подсохла, одна пуговица лежала отдельно. Он поставил её на стол. Нина Семёновна посмотрела, не протягивая рук. Тимур начал объяснять, где нашли, но она остановила его. Долго рассматривала проволочную ось,

жёлтую нитку, неровные буквы. Потом попросила перевернуть. На днище коробка были нарисованы три маленьких окна и круг, похожий на солнце. Бабушка закрыла рот ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.